

«Мысль Пушкина, говорит онъ, ясна изъ его записи. Вотъ происшествіе: насиліе Тарквинія надъ Лукреціей; это происшествіе явилось причиною громадныхъ историческихъ событій; что же: должны ли мы думать, что въ самой сущности его были заложены и неизбѣжность, и самый характеръ этихъ всемірныхъ послѣдствій, какъ въ маломъ зернѣ — весь будущій колосъ... Пушкинъ беретъ такое зерно и на глазахъ читателей разлагаетъ его на составныя части. Весь анализъ онъ производитъ сравнительно: вотъ историческое зерно — Тарквиній — Лукреція, и вотъ экспериментальное зерно — Графъ Нулинъ—Наталья Павловна. До половины анализъ обоихъ совпадаетъ вполне... Но... въ кульминаціонномъ пунктѣ тождество вдругъ прерывается. Лукреція поддалась насилію, Н. П. отражаетъ насиліе. Въслѣдствіе этого крошечнаго отклоненія дальнѣйшій ходъ происшествія даетъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе далеко расходящіяся линіи...» и т. д. «Изъ микроскопической случайности (то, что Лукреціи «не пришло въ голову» дать пощечину насильнику) развился колоссальный рядъ потрясеній». Вотъ что хотѣлъ сказать Пушкинъ «Графомъ Нулинымъ» (стр. 44, 45). Въ формѣ анекдота «цѣлая философія исторіи!» Гершензонъ не замѣтилъ еще одной «микроскопической» детали, которая не имѣетъ параллелей ни у Діонисія Галикарнасскаго, ни у Ливія, ни у Шекспира: Лидина, «помѣщика двадцати трехъ лѣтъ», который «смѣялся» надъ всѣмъ случившимся. Не ясно ли, почему Наталья Павловна повела себя иначе, чѣмъ Лукреція? Пушкинъ просто высказалъ свое мнѣніе — очень невысокое — о цѣлѣ женской добродѣтели. До философіи исторіи ему мало было дѣла. Но въ глазахъ Гершензона такое толкованіе было бы оскорбительно для Пушкина.

П. Биццали.

Всеволодъ Ивановъ. *Мы*. Харбинъ, 1926, XVI+369 стр.

Книга В. Н. Иванова производятъ сначала впечатлѣніе скорѣе неприятное, — уже однимъ заглавіемъ, отъ котораго отдастъ Маяковскимъ. Прежде всего бросаются въ глаза тѣ черты ея, которыя невыгодно роднятъ ее съ столь многочисленными въ настоящее время рожденіями любительской «философско-исторической» публицистики, громогласной и пустой, самоувѣренной и невѣжественной. У автора на Невскомъ проспектѣ Пушкинскаго времени «въ часъ обычной прогулки» встрѣчаются «профессора Погодинъ» и «крупные благожелательные помѣщики Аксаковы» (стр. 7 — «помѣщики Аксаковы» ужъ навѣрно приняли бы это какъ личное оскорбленіе); Екатерина I едва ли не смѣшана съ Екатериной II (с. 11); сказанія о походахъ аргонавтовъ непостижимо какъ приведены въ связь съ передвиженіями «галльскихъ и германскихъ племенъ» (с. 45); Возрожденіе, по его догадкѣ, было вызвано... нашествіемъ монголовъ: «оно пришло съ неуловимымъ залахомъ цвѣтушихъ восточныхъ степей... Это великое дѣло никакъ не могло быть дѣломъ христіанства, либо корфвшаго въ хитросплетеніяхъ византійщины, либо одолѣвшаго этотъ міръ мечемъ

духовнымъ» (стр. 114), — какъ разъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано современной наукой, для оцѣнки ничуть не «корпѣвшей въ хитросплетеніяхъ», а поддерживавшей и развивавшей великую эллинистическо-христіанскую культуру Византии и животворяшаго, буквально **возрождающаго** дѣйствія западной мистики; — онъ произво- дитъ слово «рус» отъ шведскаго наименованія удалыца и догадываетъ, что, между прочимъ здѣсь — «нѣкоего рода одобренность» къ любви вышнѣ, отличавшей «нашихъ предковъ» (стр. 46). Иныя «на- родно-психологическія» обобщенія у него менѣе невиннаго свойства: «нашъ народъ жестокъ и казни любить» (стр. 270). Эта распущен- ность отражается и на языкѣ («национальная трещина недовольства выльется въ расколъ, стр. 211, и т. под.). Но по мѣрѣ чтенія, первое впечатлѣніе разсѣивается и эта растрепанная, небрежная, глубоко дилеттантская книга начинаетъ увлекать присутствіемъ живой, напря- женной и интересной мысли, искренностью тона и несомнѣнной та- лантливостью. Всеволодъ Н. Ивановъ обладаетъ весьма рѣдкимъ да- ромъ — исторической интуиціи (хотя и въ высшей степени недисци- плинированной) — этимъ первѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ для сколько-нибудь плодотворной исторической работы, въ особенно- сти такой, какой онъ заданъ: выяснить «культурно-историческія ос- новы русской государственности» (подзаголовокъ) въ формѣ синте- за русской исторіи. Эгогъ его историческій талантъ сказанъ въ рядѣ на рѣдкость удачныхъ, глубокихъ и пластичныхъ, формулировокъ, — въ которыхъ вся цѣнность работы такого рода. Напрямѣръ — о ки- тайской цивилизаціи: «какъ бы жизнь нашего отечества ни утряса- лась въ старыхъ, свободныхъ формахъ, какъ бы она ни осѣдала, го- ворить авторъ по поводу Петровской домки Московской «китайщи- ны», — все же она никогда не достигала той высокой степени куль- турной сработанности, прилаженности, которой достигъ... Китай, эта страна филигранно-отточенной традиционности, каковая страна, быть можетъ, единственная въ цѣломъ мірѣ, въ состояніи держать въ рав- новѣсіи свое лишенное единой центральной воли государство» (стр. 307). Или дальше — о Петрѣ — «деспотъ-изобрѣтатель»: «какъ толь- ко принципомъ дѣятельности духа выставленъ принципъ свободного изслѣдованія — духъ начинаетъ жить своей собственной неудержи- мой жизнью, подобно тому какъ ожила метла волшебника, не знаю- щаго, какъ прекратить ся дѣйствіе. Пустьъ рационалистическій прин- ципъ появился лишь въ одной самодержавной головѣ Петра Великаго, но отъ участниковъ въ государственныхъ своихъ дѣлахъ онъ требо- валь свободного пониманія своей задачи, пониманія государственна- го. Деспотъ несетъ съ собою свободу... Дубинка требовала отъ упрямыевъ свободного дѣйствія» (стр. 320). Трудно сказать острѣе и выразительнѣе.

Остается пожалѣть, что авторъ избралъ для своего синтеза весьма неудачную форму повѣствовательнаго изложенія матеріала, относя- щагося къ тѣмъ лѣтнимъ русскаго государственнаго развитія, которыя представляются ему существенными. Онъ рассказываетъ о вещахъ, от-

лично извѣстныхъ всякому, учившемуся русской исторіи по учебнику Елплатьевскаго или Платонова, перемежая это выписками изъ источниковъ, вошедшихъ въ школьныя хрестоматіи, или изъ Костомарова и Шелина, — отчего его книга и распухла непомерно, — но такъ, какъ будто открываетъ Америку, то и дѣло возражая противъ яко-бы «принятыхъ» (къмъ?) взглядовъ и мнѣній. Въ существѣ дѣла, однако, авторъ правъ. То, о чемъ онъ говоритъ, правда, по большей части всякому извѣстно, но обычно, въ историческомъ сознаніи, какъ-то отступаетъ на задній планъ. Его основная мысль сводится къ слѣдующему: русская государственность и русская великодержавность связаны генетически съ государственностью и великодержавностью монгольскими. Историческая судьба Россіи опредѣлилась тѣмъ, что всѣ русскія земли вошли въ XIII вѣкѣ въ составъ единственной въ исторіи, охватившей почти весь внутренній Старый Континентъ Имперіи Чингизь-Хана. Объединеніе русскихъ земель вокругъ Москвы протекало **внутри этой Имперіи**: Московскій князь, собирая русскія земли для **Хана**, собиралъ ихъ тѣмъ самымъ и для себя. Затѣмъ, послѣ распада ній Монгольской имперіи, Московская Русь сдѣлалась ея наследницей; русская экспансія была движеніемъ отвѣтнымъ на монгольскую, шла въ обратномъ направленіи, но по тѣмъ же путямъ.

Уже Ключевскій говорилъ, что колонизація — главный фактъ русской исторіи. Но и для него и для большинства нашихъ историковъ послѣ него — этотъ фактъ быть «главнымъ» въ томъ смыслѣ, что имъ объясняются всѣ особенности внутренне-политическаго и социальнаго развитія. На этой основѣ сложилась «вульгата» русской исторіи. Еще недавно для насъ, какъ и для Западно-европейской исторической науки, вопросы внутренне-политической исторіи представлялись самыми важными, самыми «цѣнными». Сейчас, по волюнѣ понятнымъ причинамъ, на первый планъ выдвигается «проблема мощи» — международныя отношенія и ихъ зависимость отъ **гео-политическихъ** условий. «Главный» — съ этой точки зрѣнія — фактъ русской исторіи это — созданіе великой «азиатской», или «евразійской», Имперіи, — подобно тому, какъ, слѣдую взгляду, упрочившемуся въ наукѣ со времени классическаго сочиненія Джона-Роберта Сили, — «главный» фактъ въ Англіи — ея «расширеніе» на морскихъ путяхъ. Англія и Франція создали «мировую», т. е. раскинутую въ разнообразныхъ зонахъ и на нѣсколькихъ материкахъ, имперіи. Россія и С. Америка — имперіи континентальныя. Уже простое констатированіе этого факта толкаетъ мысль на рядъ интереснѣйшихъ и существенно важныхъ проблемъ исторической **морфологіи**, — о которыхъ распространяться здѣсь, однако, не мѣсто.

Наряду съ этой, чисто познавательной, задачей открывается другая, важная одинаково и для историка и для политика: расширеніе Россіи — и Англіи — въ **восточномъ** направленіи, С. Америки въ **Западномъ**, Японіи — въ **юго-восточномъ** и пробужденіе Китая, — все это приводитъ къ образованію новаго узла международной политики — **тихоокеанскаго**. «Волюнѣ возможно, пишетъ Вс. Ивановъ

(стр. 367), что мы нынѣ присутствуемъ при зарожденіи новой эры мировой исторіи — эры тихоокеанской, или азіійской, послѣ эры европейской» (ср. Бубновъ и Головинъ, Тихоокеанская проблема въ XX стол., 1924). Съ точки зрѣнія гео - политической это не подлежатъ сомнѣнію. Предъ лицомъ гигантскихъ государственныхъ образований, группирующихся по берегамъ Тихаго Океана, политическая система Западно - европейскаго континента является прямымъ анахронизмомъ. Дѣло идетъ не о пресловутомъ «гниеніи Запада» и не о его «закатѣ», но просто на просто объ утратѣ политической гегемоніи, чѣмъ грозитъ раздробленной Европѣ европеизация внѣ-европейскихъ странъ, — европеизация въ смыслѣ усвоенія началъ европейской государственности и политики. Отсюда -- повышенное вниманіе къ идеѣ «Соединенныхъ Штатовъ 3. Европы», этого варианта плана «Центральной Европы», въ нынѣшнее время разрабатываемой въ особенности нѣмецкой политической наукой, — о возсозданіи единства Западно - Европейскаго континента.

Но этими рядами проблемъ дѣло не исчерпывается. Если сѣвероамериканцы создали «Новую Европу» на въ сущности дѣвственной почвѣ, то Англійская и Русская Имперія разрастались въ областяхъ древнихъ внѣ - европейскихъ, самобытныхъ цивилизацій. Англія и Россія не могутъ не считаться съ выпавшимъ на ихъ долю культурнымъ наслѣдіемъ. Разница лишь та, что Индія была до послѣдняго дня для Англіи только «провинціей», которой она повелѣвала на разстояніи, тогда какъ русская азіатская «провинція» была тѣмъ лономъ, изъ котораго Русь нѣкогда — политически и культурно — вышла. И поскольку Россія принадлежитъ къ Европѣ такъ же, какъ и къ Азій, ясно, что привычная, узко - «провинціальная», западно-европейская вульгата исторіи европейской культуры должна быть расширена 1). Естественно, что соответствующая задача предстать прежде всего русской исторической наукѣ. Вс. Ивановъ принадлежитъ къ числу немногихъ, увидѣвшихъ эту задачу. Уже это — его заслуга. Самъ онъ, въ отмежеванной имъ для себя области, рассматривая вопросъ объ истокахъ русской цивилизаціи, впадаетъ въ крайности и односторонности. Онъ явно недооцѣниваетъ, наряду съ монгольствомъ, значеніе и варяжскаго и византійско-христіанскаго факторовъ (на что уже было указано проф. А. В. Флоровскимъ въ его рецензіи на книгу Иванова).

Эта односторонность сказалась и въ публицистическомъ заключеніи, ради котораго (авторъ самъ говоритъ, что онъ — публицистъ и преслѣдуетъ публицистическія цѣли) вся книга и была написана, вѣрнѣе — изъ котораго она, повидимому, родилась, и которое — «первѣе» нея. Надо сказать, что здѣсь мы вступаемъ въ область весьма туманную, и я боюсь, какъ-бы не попасть въ сѣть недоразумѣній. Надо-ли, напримѣръ, слѣдовать за авторомъ и, основываясь

1) На это я указывалъ уже въ моей статьѣ «Западъ и Востокъ» въ сборникѣ «На Путияхъ».

на его собственномъ признаніи, занести его въ разрядъ «евразійцевъ»? Но не будетъ-ли это первымъ источникомъ недоразумѣній? И не вналь ли здѣсь въ недоразумѣніе самъ авторъ? Можетъ, правда, показаться, что изъ всѣхъ «евразійцевъ» онъ — самый крайній. По крайней мѣрѣ, онъ, заявляя о своихъ симпатіяхъ этому направленію, высказываетъ только недовольство его названіемъ: почему «евразійство», а не просто — «азійство»? Однако, съ «евразійцами» у него одно, но капитальнѣйшее расхожденіе. Онъ не отрещивается отъ Петра, не идеализируетъ московскаго православія и даетъ трезвую оцѣнку Петровской реформѣ церкви. Вообще, по духу, по настроеніямъ и влеченіямъ, авторъ, быть можетъ, самъ того не сознавая, — гуманистъ, возрожденецъ, «еллинъ», — даже слишкомъ (мы видѣли, что онъ придерживается стариннаго, отъ Возрожденія идущаго, взгляда на византизмъ, какъ на синонимъ косности, старческаго безсмія и бесплодія). Глава о Петрѣ — вообще одна изъ лучшихъ во всей книгѣ и проникнута подлиннымъ «лаосомъ государственности». Прекрасно и глубоко вѣрно пониманіе Петра какъ **европейскаго, свободнымъ, творческимъ** духомъ дышащаго, продолжателя дѣла Чингизъ-Хана и его Московскихъ Наслѣдниковъ. Не менѣе глубока и вѣрна мысль, что не Петръ — виновникъ послѣдующаго **трагическаго** хода русской исторіи, а тѣ, которые, продолжая его дѣло, однако, пребыли глухи къ его, изъ **самой сути его дѣла** вытекавшаго, **призыва къ свободѣ**. Свобода предполагаетъ **отвѣтственность**; правящій же классъ, создавшій при Петрѣ и послѣ Петра, пожелалъ быть **безотвѣтственнымъ**, значитъ — **несвободнымъ**. Можетъ, стало быть, показаться, что «азійство» автора надо понимать исключительно въ гео - политическомъ, а не въ «философско-историческомъ» смыслѣ. Но, съ другой стороны, авторъ находится въ слишкомъ большой зависимости отъ своей собственной исторической схемы, чтобы сдѣлать изъ своей оцѣнки Петрова дѣла надлежащіе выводы. Русская государственность на Востоку зачата, а Востоку органически присущъ деспотизмъ, власть Одного, воплощающаго въ себѣ душу и волю народа. Монархія на Востоку — не то, что на Западѣ : идея **божественнаго** происхожденія Царя и его власть — восточная идея. На Западѣ она могла быть **рецепирована**, на Востоку — она дома. Идея Царя-самодержца загуманилась, потускиѣла въ народномъ сознаніи, когда «средостѣніе» бюрократіи, «господь», отдѣлило Царя отъ Народа. Но авторъ вѣрить, что идея **Народнаго Царя** не умерла въ народномъ сознаніи, а лишь дремлетъ въ немъ. Именно теперь, когда «средостѣніе» сметено Революціей, она имѣетъ всѣ шансы проснуться. «Вопросъ о Царѣ — вопросъ не о политическомъ, а объ **національномъ** принципѣ... вопросъ не политики, а проповѣди» (стр. 368). Поэтому авторъ далекъ отъ шаблонныхъ реставраціонныхъ плановъ и гаданій : «можно быть увѣреннымъ, говоритъ онъ (тамъ-же), что демократическія (очевидно, въ смыслѣ эгалитарныя, П. Б.) склонности и историческія симпатіи нашего крестьянина ... перей-

дуть либо въ форму республики, съ чрезвычайно сильной центральной властью..., либо въ форму чрезвычайно свободной монархiи...». Все въ конечномъ итогѣ будетъ, стало быть, зависѣть отъ того, кто и какъ возьмется за «проповѣдь». Во всякомъ случаѣ, «только при широкомъ и успѣшномъ политическомъ ростѣ, при условiяхъ свободы политики, можетъ быть поставленъ и вопросъ объ Монархiи; точно также можетъ быть поставленъ вопросъ объ республикѣ при неуспѣхѣ того же вопроса о Царѣ, потому что въ русскомъ пониманiи республиканская форма есть **замѣна** монархической, а вовсе не самостоятельна». Думается, что дѣло не въ специфическихъ особенностяхъ «восточной» — или «западной» «души», а въ условiяхъ историческаго развитiя. Русскiй народъ, начиная съ «московскихъ хановъ», не **зналъ** никакой другой власти, кромѣ царской, какъ французскiй — съ незапамятныхъ временъ — никакой другой, кромѣ королевской. «Врожденныхъ идей» этого порядка нѣтъ ни у народовъ, ни у единичныхъ личностей. Какъ могли французы въ своей массѣ «знать» республику до 10-го августа? Да и въ 1875 году республика для большинства французовъ явилась въ буквальномъ смыслѣ «замѣной» Монархiи. Если бы графъ Шамборъ фвоевременно пошелъ на «чрезвычайно свободную» Монархiю, мало кто воспротивился бы его воцаренiю. Бѣда въ томъ, что наследники выродившихся Монархiй обычно къ такого рода «возрожденiямъ» оказываются «неспособными и, если нѣтъ другихъ (какъ въ 1688 г. въ Англии), народу не остается ничего иного какъ «узнать» республику въ качествѣ сперва, быть можетъ, суррогата, а съ теченiемъ времени и въ силу привычки, — «самостоятельной» формы. Если для автора вопросъ о царѣ есть вопросъ о **национальномъ** принципѣ, то значить, въ случаѣ **отрицательнаго** его рѣшенiя, должна наступить, съ точки зрѣнiя автора, своего рода «денационализацiя» русскаго народа? Авторъ не настолько послѣдователенъ: «будетъ Монархiя, не будетъ Монархiя — объ этомъ можно только гадать — говорить онъ въ заключенiи. Но что Россiя при всякой формѣ правленiя останется Россiей православною — это не подлежитъ никакому сомнѣнiю». Итакъ, авторъ отказывается отъ стариннаго уравненiя: Православiе = Самодержавiе = Народность. Здѣсь — самопротиворѣчiе. Между тѣмъ, въ его же книгѣ находимъ данныя, которыя, будь онъ послѣдователенъ, уберегли бы его отъ этого. Авторъ — и въ этомъ-то дѣйствительно **новое** и цѣнное, чтó находится въ его историческомъ построенiи, — не выводитъ московскаго самодержавiя изъ православия. **Религиозное** обоснованiе у самодержавiя было, — но не христіанское, не византійское, а восточное, татарское, заложенное въ нашей «восточной» національной психологiи. Византiя дала **идеологическое** обоснованiе, но уже *post factum*, добавочно. Почему авторъ не сдѣлалъ шага дальше? Не можетъ быть **двухъ** религiй въ одной и той же народнои душѣ, и не можетъ быть никакого «синтеза» православiя съ восточнымъ **обоженiемъ** монарха. Если

дѣйствительно православіе такъ отождествлялось съ народной сущностью, что стало ее character indelibilis, неизгладимой печатью (а это именно думаетъ авторъ), то это значить, что **культъ** монархіи у русскаго народа **уже нѣтъ** и быть **не можетъ**, а слѣдовательно вопросъ о Царѣ — вопросъ **не** о національномъ, но именно и **только** о **политическомъ** принципѣ, — какъ разъ въ противоположность тому, что утверждаетъ авторъ. Любителямъ самодержавія было привычно искать ему санкціи въ православіи уже изъ «историческихъ» соображеній, связывая и то и другое по ихъ византійскому происхожденію у насъ. Вѣчное наивно - кощунственно ставилось на одну доску съ историческимъ, было относимо къ «національной традиціи». Для тѣхъ, кто раздѣляетъ «азійскую» теорію происхожденія русской традиціонной государственности, это смѣшеніе уже недопустимо. Между Востокомъ Ксеркса и Востокомъ Христа они **принуждаются** сдѣлать выборъ. «Азійство» вскрываетъ, такимъ образомъ, основную логическую и метафизическую ошибку «византійства». Было ли у автора подобное намѣреніе или нѣтъ — безразлично, но онъ это сдѣлалъ.

Проф. П. Бицилли.

С. Ф. Платоновъ. Петръ Великій. Личность и дѣятельность. Издательство «Время». Ленинградъ. 1926 г., стр. 114.

Новая книжка С. Ф. Платонова начинается съ выраженія заслуженнаго презрительнаго возмущенія по адресу Алексѣя Толстого и Пильняка, которые въ своихъ недавнихъ повѣстяхъ («День Петра» Толстого и «Его Величество Кнеб (?) Peter Comondog» Пильняка) намалевали образъ Петра въ видѣ какого-то омерзительнаго чудовища, потопившаго въ водѣ и сифилисѣ и умъ и совѣсть, звѣрски жестокаго, тупоумнаго, безобразнаго и по наружности и по всѣмъ своимъ поступкамъ. Эти нарочито аляповатая, безвкусная олеографія могутъ, конечно, произвести впечатлѣніе на читающую публику, которая вѣдь не очень-то освѣдомлена по части русской исторіи и всегда готова принять на вѣру изображеніе, данное популярнымъ беллетристомъ. Мы поэтому съ полнымъ сочувствіемъ читаемъ строки Платонова въ его предисловіи къ новой книжкѣ, гдѣ онъ, пародируя предисловіе Шлецера къ книгѣ «Несторъ», пишетъ въ объясненіе появленія своей новой работы: «тутъ эскъ-профессоръ русской исторіи потерялъ все терпѣніе и — написалъ эту книгу».

Итакъ, очеркъ Платонова имѣетъ цѣлью представить рисунокъ личности Петра Великаго, соответствующій дѣйствительнымъ историческимъ даннымъ. Задача сходная съ той, которую имѣлъ въ виду Платоновъ при составленіи своей книжки объ Иванѣ Грозномъ, въ свое время отмѣченной нами на страницахъ «Современныхъ Записокъ». Приходится, однако, признать, что на этотъ разъ авторъ выполнилъ свой планъ съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели по